

фантастическая
история

Книги Андрея Дая
в серии «Фантастическая История»

ПОВОДЫРЬ
ОРДЕН ДЛЯ ПОВОДЫРЯ
СТОЛИЦА ДЛЯ ПОВОДЫРЯ
БЕЗ ПОВОДЫРЯ

МОСКВА, 2014

фантастическая
история

Андрей Дай
Без
поводыря

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д12

Серия основана в 2010 году
Выпуск 96

Дай А. Ю.

Д12 **Без поводыря: Фантастический роман.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 377 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1837-4

Делай что должно, и будь что будет. Даже если все изменилось. Даже если сама История сменила русло и несет поводыря неведомо куда. Даже если поводырь теперь так же слеп, как и те, кого он куда-то ведет за собой.

Вторая половина девятнадцатого века. Проклятому и прощенному чиновнику из нашего времени, вселившемуся в тело начальника Томской губернии, больше ничего не остается. Только делать, что должен, и надеяться, что это приведет его к успеху, а не на плаху. Тем более что оба варианта вполне возможны.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Дай А. Ю., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1837-4

Огромное спасибо сударыне Александре Андреевой и господам Алексею Герасимову (Сэй Алек), Ниязу Хафизову, Сергею Гончаруку, Владимиру Цапову и Виктору Аксютину за неоценимые советы и помощь в поиске информации.

ПРОЛОГ

Вчера шел снег. Верхний, новый, еще не успевший слежаться, пушистый, он прикрыл наши следы. И его же сыплет на шапки редкими порывами ветра, стряхивая с могучих сосновых ветвей. Снежинки каким-то образом умудряются пробираться за шиворот и в рукава полушубка. Покалывают голую, ничем не защищенную кожу и тают, наполняя влагой шерстяное белье. Хочется вскочить, перемотать башлык, вытряхнуть из обшлагов колючих гостей. Ноги размять, в конце концов. Только нельзя. Нужно лежать и надеяться, что ветер не успеет перемениться до захода луны. И пара крепколапых лаек на веревке у сарая не сможет нас почуять.

Заколдованное место. Сегодня вновь девятнадцатое февраля, и там, в двух верстах к юго-востоку, Великий Сибирский тракт. Словно дорога из желтого кирпича в Стране Оз, на которой и случается все самое важное в волшебном королевстве, тракт — место главных событий, что случаются со мной в этом мире.

Два года. Всего два года назад я, милостью Господа нашего, впервые оказался на тракте. Не здесь. Далеко-далеко, верстах в семистах к западу. Но именно в этот день и все-таки на тракте. Два года всего, а кажется, будто всегда жил здесь — и, как бы это ни звучало фантастично, сейчас. Согласитесь, обнаружить себя в теле молодого, полного сил и энергии начальника Томской губернии за сто пятьдесят лет до того, как уже однажды умер, опять же будучи губернатором Томской области, иначе как чудом и не назовешь.

Умер, провел бездну лет в... нечто таком, что при одном воспоминании вызывает дрожь во всем теле, — и опять жив.

Жить бы и радоваться, с солнцем по утрам здороваться, упиваться здоровьем и ветром. Так нет. Взвалил на себя Долг. Искупить решил все, что в той жизни успел сотворить. Вот и приходится теперь лежать в снегу, терпеть холод и оттирать время от времени иней с револьвера.

Меж корабельных сосен, наверняка каких-нибудь реликтовых или заповедных — раз пережили повальное увлечение строительством барж в приобских селах, — приутилились две маленькие избушки и сбитый из жердей сарай. И пяточок вытоптанного места, половину которого заняли новенькие — еще светлые — сани. В другой части двора этого укромного хутора разлеглись, вытянув лапы, собаки. А в десяти сажнях, прямо в сугробах с подветренной стороны — мы. Я и трое бородатых матерых казаков.

Глава 1 ВО ТЬМУ

Одно за другим. Одно цеплялось за другое. События как взбесившаяся лошадь несли меня через снега и версты к этому затерянному в Кудряшовском бору хутору.

Все началось... Да нет, вовсе не в тот момент, когда на подворье теперь уже первогильдейского колыванского купца Кирюхи Кривцова, того самого, что единолично выстроил церковь в родном заштатном городке, ворвался на взмыленном коне посыльный.

— Беда, ваше благородие! — прохрипел он, утирая иней с жидкой еще по возрасту лет бороды. — Кокоринский караван злыдни постреляли!

И мирный ужин, богатое, хоть и не скоромное — Великий пост на дворе — застолье взорвалось суетой и приготовлениями. Бряцало оружие, и хищно поблескивали в нервном свете керосиновых ламп тупые свинцовые головки патронов.

— Нешто ты сам в погоню, Герман Густавович? — удивился Кирилл Климович. — Поди-ткась и без тебя управятся. Коли зверя, с Божьей помощью, скрадывают, так и двуногих охальников сумеют. А тебе, твое благородие, не по чину будет...

Чин? Откуда у меня чин, купчина?! Это раньше, до того, как Александр Второй изволил удовлетворить мое прошение об отставке, я был действительным статским советником. А еще раньше — так и вовсе Томским гражданским губернатором. Вот тогда — да. Чин. А теперь весь мой чин — беглый!

Вот! Вот момент, с которого началась эта долгая дорога

через буреломы и сугробы! День, когда я стал беглым преступником! Шестое января 1866 года. День Святого Богоявления и Крещения Господня.

Утром в Томск пришла почта. И пусть я больше и не Томский наиглавнейший начальник, но корреспонденцию почтальон продолжал приносить в мой дом в числе первых. Даже в праздники. Так что уже за завтраком я имел возможность просмотреть десяток адресов на конвертах.

Отец в Голландии. Оставил Морица в приальпийском Бадене, на минеральных водах, а сам, с горстью изумрудов в кармане, отправился в Амстердам. В столице империи он реализовывать камни не рискнул. Мало ли. Найдутся доброжелатели или просто чрезмерно любопытные, решившие поинтересоваться — откуда у доктора права драгоценностей на десяток миллионов серебром? У старого генерала было, конечно, послание, в котором я хвастался, как удачно вышло купить необработанные изумруды у глупых китайских торговцев, прибывших давеча в Томск. Но мы с ним отлично осознавали, что любой даже самой поверхностной проверки эта легенда не выдержит. Достаточно будет отправить жандарма — спросить, правда ли действительный статский советник Лерхе купил у вас, уважаемый Ли Сяй, зеленые камни, — чтобы обман раскрылся.

А вот в Голландии никто вопросов седовласому немцу задавать не станет. Мало ли откуда камни. Хранили их в сокровищнице древнего рода со времен Шарлеманя! Вам-то, сударь, что за дело? Так что там изумруды и оценят, и огранят, и продать задорого помогут.

Кроме того, Густав Васильевич намеревался встретиться в Голландии с группой европейских предпринимателей, проявивших интерес к приобретению лицензий на производство канцелярских принадлежностей. Выходит, скучать старому генералу там не придется.

Несколько небольших, буквально в десяток строк, сообщений от московских купцов в одном конверте с векселями. И отдельное письмо от Кокорина, сообщавшего, что миллион ассигнациями, как я и просил, караваном отправлен в столицу теперь уже не моей губернии. Это фон Дервиз

настоял, чтоб часть оплаты его услуг была произведена на месте и наличными. Опасался, что нечем будет рассчитываться с рабочими. Вестям о том, что Томск уже перенасыщен денежной массой, известный строитель железных дорог не поверил. Денег много не бывает!

Какое-то пустое и невнятное письмо от великой княгини. Еще одно, сто первое, китайское, уведомление об ее ко мне расположении, несколько никчемных придворных сплетен, и сетование на зятя, герцога Мекленбург-Стрелицкого, позабывшего о супружеском долге — как можно чаще вывозить молодую красавицу-жену в свет, а не то, о чем я, грешным делом, сначала подумал, — и уже чуть ли не месяц пропадавшего на стрельбищах возле Ораниенбаума. К чему мне это? На что она намекала? Я так и не понял.

Несколько писем-отчетов от управляющих нашим, так сказать, семейным предприятием. Сколько чего произведено, упаковано и отгружено заказчикам. Сколько новых рабочих принято, сколько за пьянство наказано. Скучно. О том, что на мой счет в государственном банке поступило еще почти триста тысяч, я и так уже знал. Боюсь, что именно это прибавление не позволило моему, едрешкин корень, учетно-вексельному рейтингу упасть слишком уж серьезно, после того как весть об увольнении облетела губернию. Герочкина фамилия осталась в десятке лучших, слава Богу.

А еще в невзрачном казенном, самом дешевом из возможных, конверте я получил сухое уведомление из личной, Его Императорского Величества канцелярии о том, что мое прошение от отставке удовлетворено. И ввиду моих заслуг перед Отечеством, а также во исполнение воли государя, как кавалеру нескольких орденов, действительному статскому советнику в отставке Герману Густавовичу Лерхе жалуются пенсионное обеспечение в размере двухсот рублей в год. Предлагалось явиться в Санкт-Петербургское городское казначейство для оформления необходимых бумаг.

Твари! Твари! Твари! Я уж не говорю о размере этой их подачки! Но они хотя бы могут себе представить, сколько стоит путешествие из Сибири в столицу?! Герочка рычал и плакал одновременно. Его немчурскую душу терзала даже

мысль о том, чтобы отказаться от денег, а гордость не позволяла даже притрагиваться к этим крошкам с барского стола.

Потом, когда внутричерепной партизан немного успокоился и вновь стал способен мыслить здраво, мы посоветовались, и я решил отписать этот нищенский пенсион в пользу какого-нибудь благотворительного общества. И я даже сел уже писать поручение столичному семейному стряпчему, но вдруг задумался. Да так и замер с рукой, занесенной над чистым листом бумаги.

Странно все! Странно и неправильно. Неожиданную отставку еще как-то можно списать на козни недоброжелателей при дворе. Да взять хотя бы того же графа Панина. Вот уж кто точно не станет печалиться об отлучении непокорного губернатора от власти. Но ведь тут же последовало распоряжение незамедлительно прибыть в Петербург! Это-то зачем? Теперь вот — этот образец высокой бюрократии. И снова какое-то детское обоснование необходимости моего отбытия в город на Неве.

Засада? Какая-то каверзная ловушка, которую мне там приготовили? Но уж кому, как не мне, знать, что ничто в этом мире не происходит просто так. Что везде, в каждом дуновении ветерка, в каждом слове — сказанном или написанном, — в каждом движении каждого живого существа на земле — Дух Божий и Его Промысел. Выходит, это высокий начальник требует, чтобы я, бросив все дела, отправился в путешествие на запад?

С другой стороны, я всем сердцем, всей душой противлюсь этому. Знаю, чувствую, всей кожей ощущаю, что нельзя мне ехать! Что место мое — здесь. Что огромный, триллионотонный Долг придавливает меня к этой земле, к этому холодному и неприветливому краю. И чему я должен был доверять? Подталкиваниям Судьбы или Сердцу?

И тут меня пронзила мысль — а не оставил ли меня Он, не бросил ли вне Своего внимания? А не разочаровал ли я Его чем-либо? Быть может, Он требовал от меня чего-то совершенно иного? Не развития преданной и проданной мною в том, ином мире земли, а... ну, не знаю, каких-то

подвигов во имя Его? Не железной дороги и заселения пустынных территорий, а храмов?

Или... Я резко вспотел — и сразу, одновременно с этим, озяб. Или все дело в Карине Бутковской и ее не рожденном еще ребенке? Ведь почувствовался же легкий привкус лжи в ее уверениях, будто я никакого отношения к этому не имею...

— Апанас! — Голос-предатель: так истерично взвизгнуть — нужно еще постараться. — Закладывай! Сейчас же!

Знал, куда нужно ехать. Где, скорее всего, придет понимание происходящего со мной и вокруг меня. Конечно же — на могилу святого старца!

Голосили колокола. Отмаливал трехсотпудовый, «торжественный» в колокольне Богородице-Алексеевского монастыря. Звон и гул волнами, покорно рваному, часто меняющему направление ветру, бродили над городом.

К месту упокоения таинственного старика вела хорошо натоптанная тропинка. Совсем не тот «проспект», что получился в сугробах, когда большая часть христианского народа отправилась к проруби. Но и забытой могила не выглядела.

Ленты выцвели на солнце, поистрепались в ветрах и грозах. Когда-то могучие еловые венки высохли, хвоя за два прошедших года успела поосыпаться. Издалека все это еще выглядело нарядным, а вблизи создавало совершенно удручающее впечатление. И замерзшая, обледенелая веточка с цветками какого-то комнатного растения только усиливала эффект.

— Вот так вот, старик, — поворочав прежде головой, убедившись, что ни одна живая душа не может услышать, выговорил я. — Вот так у нас с тобой. Пока при власти были, пока силой владели — и лап еловых для нас с тобой не жалели. С оркестром встречали. Слова льстивые говорили... Теперь вот геранью какой-то пытаются отделаться...

Не знаю, почему именно эти речи завел. Так-то у меня не все еще плохо было. Ну лишили должности, ну на письма перестали отвечать. Так ведь и обвинить-то в том некого. Сам виноват. Теперь-то вот понимал — не стоило искушать судьбу лишней раз. Мог бы и отсрочить дела немного, съез-

дить на свадьбу к Никсе с Дагмарой. Глядишь, не ломал бы теперь голову — что за «черные силы нас злобно гнетут». Знал бы со всей определенностью, что именно уготовили мне во дворцах, вызывая в столицу.

— Не мог я иначе, Кузьмич... — То ли особо колючий ветерок пробрался под одежду, то ли что-то потустороннее коснулось, только я вдруг вздрогнул всем телом. Будто плечами пожал. — Понимаешь... Ты жизнь прожил, ты поймешь! Понял как-то — нельзя мне отсюда уезжать. Соблазна, что ли, забоялся. Вдруг предложили бы местечко теплое, возле самой кормушки... Сам знаешь — себя легче всего уговорить. По-первой, убедил бы, что из Петербурга больше для Сибири сделать смогу. Потом...

Мягкий мех воротника вдруг уколел подбородок. Пришлось снять перчатку и лезть, расправлять волоски, вертеть головой.

— А ныне... — продолжил и замолк. Не находились нужные слова. Чувствовал, что это очень важно именно здесь и сейчас говорить только такие — только нужные. — Опора у меня пропала.словно на льду стою. Туда или сюда шагнуть опасаясь — а ну как поскользнусь?! Дел полно, работы непочатый край, а руки опускаются... Вдруг не той дорогой пошел? Или грех какой-нибудь на мне...

Нет, Герочка. Не родня он мне. А обращаюсь так к почившему старцу оттого, что оба мы с ним теперь как бы не от мира сего. Оба померли по одному разу... Однополчане вроде как, едрешкин корень. Тебе, малыш, этого не понять.

Есть, правда, одно отличие. Этот-то, Федор свет Кузьмич, уж точно в то беспросветное место, где миллион лет томилась моя душа, не попал. Я просто в этом уверен! Не ведаю, кем на самом деле был этот старец — царем, не сумевшим найти в себе силы и дальше тянуть неподъемный груз грехов, или другим каким-нибудь дворянином. Но ведь самое-то главное — смог же он вовремя одуматься. Отринуть все несправедное и податься в странствия.

Спорный, конечно, метод. Не наш. По мне — так и вовсе никчемный. В стиле небезызвестного графа Толстого. Все бросить, отречься, обрядиться в вериги и перестать проти-

виться злу. Спасти себя, а до остальных и дела нет. Много бы я наискуплял, если бы в монастырь поклонны иконам бить отправился?! И не верю, что чего-то подобного ждет от меня Господь. Не верю, и все тут! Иметь силы и возможности — и ничего не сделать? Остаться непредвзятым наблюдателем? Молить и молиться...

— Ты там передай кому следует, Кузьмич, — хмыкнул я. — Фиг ему, а не монастырь. Пусть версту рельсового пути за «Отче наш» принимает, а каждый лишний рубль в крестьянской семье — за «аминь»! И с Кариной разберусь. Не принцесса, чай. И не тайны Мадридского двора. Не так уж и сложно выяснить — кто, скорее всего, отец не родившегося еще человечка. Будут хотя бы сомнения, что я, — не брошу.

Герман испугался. Он так всегда. Чуть что — начинает на немецком молиться. Можно подумать, Богу не все равно — на каком языке к Нему обращаются.

— Вот Герочка мой и отмолит, если что. — Я, похоже, начинал злиться. То-то так щеки вспыхнули. — А ежели чего-то особенного от меня желаешь — хоть знак бы подал. Мне и намека хватит...

И вздрогнул. Почувствовал, что кто-то стоит за плечом, а я и скрипа шагов по снегу не слышал. И револьвер, опрометчиво, за поясом под пальто. Быстро не вытащишь. В шее словно десяток лишних костей образовался, мешающих легко повернуть голову.

— Ваше превосходительство, — негромко, едва-едва чтоб слова было слышно за колокольными перезвонами и свистом ветра, голосом Карбышева выговорил человек из-за плеча. — Дурные вести.

Выдохнул сквозь сжатые зубы и повернулся всем телом.

— Я задумался, Миша. Ты что-то сказал?

— Насилу вас сыскал, Герман Густавович. Слава Господу, Апанас подсказал... От Афанасьева Николая Андреевича посыльный приходил. Послание принес. Я имел смелость прочесть. Беда, ваше превосходительство!

— Британская империя объявила войну? — пошутил я. Ну не было у меня предчувствия надвигающихся неприятностей, едрешкин корень, и все тут! Даже, к вящему моему

удивлению, как-то даже наоборот. Подъем душевный ощущался. Что-то новое на пороге. Какой-то поворот. И что самое главное — конец моим терзаниям и разочарованиям.

— Нет, с чего бы?! — отшатнулся бывший жандармский поручик.

— И в государевой семье все живы и здоровы? — на всякий случай уточнил я. Убедился, что и тут без каких-либо изменений, и подвел итог: — Ну, значит, то не беда, а легкая неприятность. Так что именно наш бравый штабс-капитан так торопился мне сообщить?

— Николай Андреевич сегодня дежурным штаб-офицером по отделению назначен, — гораздо более спокойно принялся рассказывать секретарь. — Он и депешу с телеграфа получил. Из Санкт-Петербурга. Подписана главноуправляющим Вторым отделением, графом Паниным. И с визой «к немедленному исполнению» советника от Министерства юстиции Главного управления, статского советника Спасского. Велено вас, Герман Густавович, арестовать и препроводить в Омскую гауптвахту.

— Вот как? — удивился я. Известие и правда оказалось несколько неожиданным. — И снова никаких обвинений не предъявлено?

— Точно так, ваше превосходительство, — клянул головой Миша. — Однако же ныне вовсе не Киприян Фаустипович в Томске надзором ведает. А господин...

— А господин майор и палец о палец не ударит, чтобы кого-то выручить, — кивнул я. — Только непонятно — с чего Афанасьев-то вместо унтера с солдатами мне записку с предупреждением решил прислать?

— Думается мне, Герман Густавович, что их благородие — весьма умный человек. И хорошо осведомлен о... О ваших друзьях в столице. Штабс-капитан извещает также, что сразу после обеда пошлет вестового к господину Катанскому с рапортом, в котором настоятельно порекомендует уточнить распоряжение у вышестоящего начальства, прежде чем ссориться с такой... гм... фигурой. И еще — есть у нас с Ирине-ем Михайловичем подозрения, что наш Николай Андреевич имеет регулярные сношения с...

— С Мезенцевым? — скривился я. — Ничуть этому не удивлюсь. Так же, как и тому, что майор наверняка уже каким-то образом стакнулся с... с кем-либо из окружения графа Панина. Хотя... Зная... эм... таланты нашего майора, может статься, что ничего подобного ему и в голову не пришло.

Карбышев понятливо хихикнул.

— Ладно. Это может оказаться даже забавным. Сейчас напишем несколько писем, а потом отправимся в Омск. А вы с Варешкой...

— Э... Ваше превосходительство. Прошу прощения, но в списке лиц, подлежащих аресту, есть и Ириной Михайлович.

— Вот как?! Кто еще?

— Фризель, Менделеев. Конечно же господа Потанин с Ядринцовым. Кузнецов, Колосов, Усов...

— Ого! Это меняет дело.

— Пестянов просил известить вас, Герман Густавович, что он намерен подождать, пока вы не выручите всех, в каком-нибудь одному ему известном месте.

— Это разумно. Немедленно разошли эту рекомендацию и всем остальным из того списка. А сам... — Я посмотрел в глаза ждущего моего приказа молодого человека и вдруг осознал, что больше не имею морального права ему приказывать. Он кинулся искать меня по городу, и это яснее ясного говорило, что служит уже не за положенное жалованье или в надежде на скорую карьеру. Уж мне ли не знать, что настоящей верности не купишь ни за какие деньги.

— Миша. Понимаешь... При последней встрече с госпожой Бутковской разговор вышел несколько скомканным... А для меня очень важно знать со всей определенностью, какая только может быть возможна, кто же... Да что это со мной?! Миша, есть подозрение, что малыш, рождение которого Карина Петровна ожидает, может быть моим. Не мог бы ты...

— Конечно, Герман Густавович, — легко согласился Карбышев, натянув понимающую улыбку. И тут же вновь

озабоченно нахмурил брови. — А вы, ваше превосходительство? В Омск?

— Теперь уже нет, — покачал я головой. — А ну как кого-то Катанскому все-таки удастся арестовать?! Один Господь знает, как обойдутся с моими людьми, если я окажусь в соседнем с ними каземате гауптвахты. На свободе же руки у меня останутся не связанными. Так что...

— Смею ли я предложить вам убежище? — заторопился секретарь. — Дело в том, что нашей семье принадлежит хутор в верховьях Кайгура. А совсем рядом, в трех верстах, хуторок Безсоновых, где тоже вас с радостью примут.

— Это в Мариинском округе или уже в Алтайском Кузнецком? — заинтересовался я.

— В Томском, ваше превосходительство, — засмеялся Карбышев. — Почти на границе с Кузнецким.

— Спасибо, Миша. Я этого не забуду. Но пока мне лучше держаться где-нибудь поближе к почте. Чтобы выручить своих, мне придется вести обширную переписку. Прошу тебя переселиться в мой дом, хотя бы на какое-то время.

— Да, конечно.

— Отлично! Стану извещать тебя, куда переправлять письма.

Поразительно, как много барахла накопилось всего за два года жизни в Томске девятнадцатого века. Мундиры — целых четыре парадных — и полдюжина более простых, рабочих. Полсотни рубашек. Наверное, не меньше сотни всевозможных шейных платков. Какие-то сюртуки, смокинги и кафтаны. Пальто и шубы. Одних запонок килограмма полтора. Откуда это все? Что-то, помнится, сам покупал или заказывал пошив. В Барнауле, Москве, Санкт-Петербурге. Какие-то вещи, похоже, и не надевал ни разу.

Смешно, право, было смотреть, как Апанас, с совершенно несчастным лицом, пытается упихнуть все это никчемное «богатство» в старый, обитый потертой кожей дорожный кофр. По-моему, совершенно безнадежное занятие. Как, например, и мне — выбрать, какие именно винтовки из заметно распухшей коллекции достойны чести сопро-

вождать опального губернатора? Или что именно из сотен тысяч бумаг личного архива может пригодиться в борьбе за наши с соратниками честные имена?

Умом-то понимал, что, чай, не тридцать седьмой год! Не станут жандармы, в отличие от чекистов, врывать в мою усадьбу, вспарывать подушки и ломать мебель в поисках тайников. Не растащат столовое серебро и не конфискуют оставшееся в моем арсенале оружие. Понимал, но все наличные деньги и особенно важные или дорогие для сердца бумаги забирал с собой. А архив велел тщательно упаковать в кожаные мешки — и уже после замуравать дверь кирпичом.

Откуда-то же это взялось?! Не может же «честь» первооткрывателей метода принадлежать экипажам «черных воронок»! Уж кому, как не мне, знать, что, когда надо, Третье отделение умеет работать жестко и весьма оперативно. Получат соответствующее распоряжение — и ни у кого из них рука не дрогнет разобрать по камешку мой замечательный резной каменный теремок.

И не смей, Герочка, сомневаться. Наслушался я в свое время воспоминаний о том, как действовали сотрудники НКВД при арестах «врагов народа». И думаю, у них были отличные учителя. В общем, дом я покидал с чувством, что именно таким — уютным, безопасным убежищем — его больше никогда не увижу.

Тяжелый дормез выехал за пограничные городские столбы уже в вечерних сумерках. Ну, то есть часов в пять после полудня. Большая часть окон домов светилась праздничными огнями — Крещение все-таки. Люди садились за столы, разливали спиртное. Горели новомодные керосиновые лампы или свечи — восковые у тех, кто побогаче, или сальные — у бедных. Улицы оказались залитыми причудливыми световыми дорожками — словно иллюминацией в честь беглого Лерхе.

Первая станция к югу от Томска — в деревне Калтайской — в сравнении с оставшимся за спиной городом выглядела задворками вселенной. А быть может, именно ими и была. Ну кому нужна последняя перед столицей губернии

остановка, когда еще немного, еще два десятка верст — и конец долгого пути? И уж тем более мало кто станет останавливаться, только начав пугающе долгое путешествие. Так и получалось, что станция появилась в деревеньке не в силу необходимости, а велением должностной инструкции. Черным по белому написано и на самом верху завизировано — располагать через каждые двадцать-тридцать верст, на протяжении всего тракта...

Впрочем, нельзя сказать, будто туда и вовсе никто носа не показывал. Всегда находятся излишне переоценившие выносливость лошадей извозчики, или упряжь подведет. Или, не дай Бог, живот у путешественника скрутит — прав, ой, как прав бийский купчина Васька Гилев — прибыль станционные смотрители с перегонов получают, а не с постояльцев белой избы. Иной махинатор так накормит, что в желудок словно углей насыпали. Так скрючит...

А вот мне эта станция подходила как нельзя лучше. Нужно было в спокойной обстановке, не прислушиваясь к шуму за дверьми, не ожидая ареста, написать несколько посланий оставшимся в Томске соратникам. Гинтару — чтобы вновь взялся за ведение моих счетов, Чайковскому, инженерам Штукенбергу с Волтатисом. Это в первую очередь. Не забыть приснопамятного Гилева с Акуловым и Ерофеевых с Нестеровским. Предупредить купцов, чтобы отменили рискованные сделки. Теперь за их спинами не высится грозной тенью авторитет туземного наиглавнейшего начальника.

Весь недолгий путь думал, в какие слова облечь приключившиеся со мной неприятности. Каким образом дать понять своим высоким столичным покровителям, что остро нуждаюсь в их помощи, но при этом не выглядеть просителем. Любой сановник — и этого времени, и полторы сотни лет спустя — будет рад принять под руку успешного регионального политика! Но немногие рискнут поддержать человека сломленного, раздавленного обстоятельствами. Лишившегося влияния и власти. Униженного и униженно выпрашивающего подачки.

Но я-то не таков. Есть у меня еще козыри в рукаве. И влияние в таких сферах, которые могут преподнести парочку

сюрпризов врагам. Знать бы точно — кто они, авторы моей неожиданной опалы и последующего преследования?!

А и правда, Герман! Ты прав, брат. Действительно — зачем просить власть имущих каким-то образом повлиять на мою судьбу, когда можно просто пересказать обстоятельства и поинтересоваться — кто это такой наглый посмел твякнуть на... Ха! На человека Наследника Престола! Герочка, ты гений! Ай-яй-яй, какой ущерб престижу бедного Никсы приключился!

Пока классическая — толстобокая — повариха таскала снесь на сбитый из тяжелых плах, на века, стол — успел все как следует продумать. Решил не пугать купцов с инженерами резкими поворотами в моей жизни. Отделаться общими фразами. Мол, в связи с не до конца выясненной ситуацией вынужден был на некоторое время отъехать из Томска. И жандармам вовсе незачем знать — куда именно. А вы, мои драгоценные, поменьше верьте глупым слухам и побольше работайте. И верьте — вскоре все вернется на свои места. Враг будет повержен, а друзья достойно вознаграждены. Как-то так...

А вот Стоцкому стоило рассказать правду. Он по большому счету мой человек, и под него обязательно немедленно рыть начнут. Еще хорошо бы, чтобы мой Фелициан Игнатьевич разузнал, кому именно из омских жандармов поручено следствие вести и что у них на меня есть. Может так выйти, что сам факт моего побега — главное доказательство вины, а от остального легко можно было отговориться.

Ну и Ваське в Бийск нужно будет отписать, чтобы затаился. Если кому не следует выведывают о нашем небольшом серебряном руднике — никакие покровители от царского гнева не спасут!

Крещение. День не постный, но и угощение на станции третьего класса — не ресторация. Без разносолов и ничего неуставного. Впрочем, я и без этого уже весь в режиме путешествия — готов довольствоваться малым. И жаль терять время на пустыки, когда слова, которые еще предстоит перенести на бумагу, стройными рядами теснятся в голове.

Да и аппетита нет, если честно. Все-таки, согласитесь,

слишком уж быстры и кардинальны перемены в моем статусе. По нынешней скорости жизни — так и вовсе мгновенны. Еще утром встал с постели пусть и не грозным начальником обширнейшего края, но и не последним человеком. Миллионщиком. Владельцем заводов, газет, банков... Чуть не сказал — «пароходов», хотя вот как раз этого добра у меня еще нет. Доля малая в Магнусовых верфях — есть, а корабля — ни единого. Что бы я с ним делать-то стал бы?

Бывший тюменец, а теперь вроде как уральский купец, Поклевский-Козелл этой, ушедшей уже в историю осенью подписал генеральное соглашение с правлением «Сибирского пароходного комиссионерства», в один миг превратив это объединение в крупнейшую в Западной Сибири транспортную корпорацию. По сути — монополиста. Тюфины, Рязанов, Швецов и недавно образованная «Пароходная компания купца Таля» хоть и обладали почти третью кораблей Обь-Иртышского бассейна, но на фоне оборотов «комиссионеров» смотрелись блекло. Куда уж мне-то в эту банку с пауками лезть?!

Гинтар предлагал заказать у Бурмейстера парочку судов, да и сдавать их в аренду кому-нибудь из опытных пароходников. Возможно, господин управляющий Промышленного банка так и сделает этой же весной, но уже без меня. Легко мог себе представить, как «просядут» мои учетные рейтинги в банках, после того как известия из Омска расплзутся по губернии. Как побегут самые опасливые скидывать мои вдруг ставшие ненадежными векселя. И как за счет этого можно здорово уменьшить мои долги, если сейчас же приняться выкупать их по пониженной ставке. Вот и выходит, что у меня сейчас каждая копейка буквально на счету. Не до новых проектов.

А вот старые, куда деньги уже вложены немалые, забывать не стоило. Потому пишу еще и Цибульскому. Еще осенью он, вернувшись с приисков, порадовал новостью, что золото на ручьях в тех местах, которые я указывал ему на картах, нашлось. И много. Участки оформили на товарищество на вере «Семь ключей», где я стал одним из дольщиков, а добычу — почти пуд песка и самородков — отправили Гу-

ляеву в Барнаул на апробацию и учет. Захар Цибульский обещал, что к первым числам февраля станет известна сумма нашей совместной добычи. По его даже самым грубым подсчетам только моя доля составляла около трех тысяч рублей. На фоне общих моих долгов, давно переваливших за миллион, это ничтожно мало, но ведь новый прииск еще даже не начинал работу. Это же прибыль только от разведки, так что результат можно считать более чем успешным.

Жаль, не догадался кусочек карты скопировать и в Томске у Гинтара или Миши Карбышева оставить. В АГО еще много неизвестных для этого времени богатых на золото ручейков, и вырученные деньги как раз на финансирование дальнейших изысканий и можно было бы пустить. Как там оно с этими невнятными претензиями жандармов ко мне обернется — еще неизвестно, но лишний источник доходов точно не помешает.

Это только формально сотрудники Третьего отделения — неподкупны. С холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками, едрешкин корень. Только у большинства из жандармов в чинах ведь и семьи есть, и дети. А жалованье — совсем невелико. С другой стороны — по-настоящему богатого человека слишком уж и трогать не станут. Особенно если поделиться с кем-нибудь достаточно влиятельным.

А у меня и сейчас уже есть что этому пока мне неведомому спасителю предложить в виде благодарности. Тот серый булыжник, что мне Артемка с казачками приволок, оказался серебросвинцовой рудой! Причем содержание драгоценного металла было выше даже, чем в знаменитом Змеиногорском руднике АГО. И добывать это богатство, учитывая, что найден образец на берегу какого-то ручья, прямо на поверхности, должно быть гораздо проще...

После еды, хоть и простецкой, но обильной, несколько осоловел. Расслабился. Словно свалился вдруг с плеч груз забот и позабылся страх неожиданного ареста. Апанас убрал со стола, заменил свечу, разложил бумаги и приготовил перо, а я все сидел, пыхтел — не в состоянии собраться с силами и начать писать. Мысли даже проскакивали, что с ны-

нешней скоростью почтового сообщения можно особенно и не торопиться. Все равно не то, что Интернет и электронные письма — телефон-то из области занимательных рассказов для юношества. Ну придут в столицу мои письма не спустя три недели, а через четыре?! Что изменится?

Такая то ли лень, то ли апатия навалились, что когда белорус сообщил дрожащим голосом, что, дескать, во двор станции с пару минут как чуть не целая сотня казаков въехала, я только и смог что тупо переспросить:

— Кто? Какие казаки?

— Да я это, ваше превосходительство, — опередив Апанаса, пробасил от двери Безсонов. — Осташка Безсонов!

— Да я уж вижу, — обрадовался я, разглядев медведеобразную тушу этого гиганта. — Какими судьбами, Астафий Степаныч?

— Так это, — удивился казачий сотник, — вас вот, Герман Густавович, хотел повидать...

— Вот как? — пришла моя очередь вскидывать брови.

— Ну да, — с детской непосредственностью тряхнул чубом здоровяк. — Мы тут от Викентия Станиславовича весточку из Омска получили, так Васька Буянов, старшина наш полковой, и grit...

— Ты, Степаныч, со старшиной своим погоди, — перебил я сотника. — Скажи лучше, нашел-то меня как?

— Так ить Мишаня Карбышев, сподручник вашенский, мне вроде племяша. С батей иво, Мишкой, мы и соседствуем, и дружбу ведем, — вытаращился Безсонов на меня. В его огромной голове, похоже, не укладывалось, что у друганова сына могли быть от него какие-то секреты. — Так я иво и спросил, а тот и ответил. Говорит, вы на заре еще в карету свою уселись да и к переправе двинули. Ну и вот...

— Что вот? — вновь не понял я.

— Дык ить тракт-то тут чуть не на сотню верст — прямой. Свернуть вам и некуда, по зиме-то. Вот я и рассудил, что и одвуконь на бауле тяжком вы, значит, далеко не убежите. Верхами — всяко догоним. А тут и антоновцы в караул ехать собирались. Как вас того...

Богатырь замялся, не в силах подобрать правильное слово.

— С должности сняли, — подсказал я. Безсонов вовсе не был идиотом. Но и быстрым умом похвастаться не мог.

— Ага, — обрадовался и вновь смутился казак. — Как вас, ваше превосходительство, сняли, на тракте сызнава шалить принялись. А нового начальника-то нету! И команду вашу отменить никто не мог. Вот и ездим, лиходеев ловим да бродяг.

— Ясно, — кивнул я, хотя ничего ясного в этой непонятной ситуации не было. — Апанас! Распорядись там... Чай, пироги... Ну все как положено.

— Митяй! — взревел вдруг Безсонов раненым мамонтом, так что я поспешил зажать уши ладонями, а белорус даже присел. — Ташшы!

В белую горницу ввалился еще один — пусть и не Илья Муромец, как Степаныч, но уж Алеши Поповича не меньше статью — кавалерист, с ведерным бочонком в руках.

— Васька присоветовал, — гордо пояснил сотник, кивком отпуская подчиненного. — Старый у нас — голова. Мол, коли начальник наш от вражин схорониться решил, так когда ему, бедняге, доброго пива еще доведется испытать?! Бери, говорит, Осташка, завместо гостинца от казаков томских.

— Что это? — ошарашенно разглядываю ведерный «гостинец».

— Так кръгеровка! — радостно разъяснил богатырь. — Сиречь — пиво ячменное Крюгеровской фабрикации.

— А мало не будет? — саркастично поинтересовался я.

— Дык я две баклаги и привез, — пуще прежнего заулыбался Безсонов.

При взгляде на его сияющую физиономию вкралось у меня подозрение, что в какой-нибудь из переметных сумок, тщательно упакованная в ветошь, наверняка хранится и бутылка с водкой. Тоже, как и пивной бочонок, немаленькой вместимости — литра на три, не меньше.

— Спасибо за заботу, Астафий Степаныч, — смирился я

с неизбежным. — Так что за известия подполковник Суходольский доносит?

Гигант уже набрал воздуха в бочкообразную грудь, чтобы рявкнуть что-то еще своему Митяю, и тут же сдулся. Апанас уже расставил на столе и кружки под пиво, и какую-то рыбу, и сыр тончайшими, просвечивающимися ломтиками. Еще и пробку из емкости успел вывернуть. Но вот налить, не расплескав, уже не сумел. Сил не хватило.

— Ну, за ваше здоровье, Герман Густавович, — поднял первую Безсонов. — На радость друзьям и на страх врагам!

Ячменное крюгеровское оказалось холодным до ломоты зубной и резким до сикарашек в носу. Все в точности как мне нравится. Потому как-то незаметно, в три глотка, пол-литровая емкость опустела.

— Степаныч? Признайся по чести, ты решил меня напоить?

— Как можно, ваше превосходительство, — ненатурально стал отговариваться тот. — То ли я к вам, Герман Густавович, уважения не имею?!

— Степаныч!

— Дык и чего худого в том, чтобы хорошо выпить да закусить? — как-то подозрительно по-еврейски вдруг заявил Безсонов. — Вот и старшина наш полковой, Василий Григорьевич, говорит... Или побрезгуете?

— Ладно тебе, сотник. Вижу же, что не только за собутыльником по ночи верхом гнался. Говори уже, с чем приехал! Разлей только прежде. Негоже посуде пустой стоять.

— Дык я и говорю, Герман Густавович, — с ювелирной точностью направляя золотую струйку в кружки, все еще как-то несерьезно завел рассказ казак. — Чудное что-то происходит. Непонятное!

Легко, как я бы графин, дюжий казак пристроил ведерный жбан на краю стола, взялся за ручку кружки и совершенно серьезно добавил:

— Боязно нам, Герман Густавович.

— Рассказывай!

— Прежде-то Александр Осипович и за наказного атамана был. А как его... — Легкая запинка — и продолжение с

блеском глаз: — ...С должности сняли, так из Петербурга полковника прислали. Барона Врангеля, Константина Людовиковича. Вот нашего Викентия Станиславовича в Омск на круг и вызвали. Пред его отъездом мы со старшими нашими подивились переменам, да и наказали, чтобы, значится, весточку присылал — как там и что. Давеча с почтой и получили... Давайте, ваше превосходительство, за Отечество наше выпьем. За мамку нашу — землю Сибирскую — и за казачье войско, ее хранящее!

Выпили. На этот раз — вдумчиво. Смакуя каждый глоточек. Наслаждаясь вкусом.

— Откуда траур-то такой, Степаныч? Случилось чего?

— Нет вроде. Только и радоваться нечему, ваше превосходительство. Был у нашей земли добрый да ласковый начальник — сняли. Командир был наиглавнейший, о казачьей доле радевший, — и этого в столицу забрали. Сюга, от моря Русского вести пришли — аж два полка в черносошненцы переписывать вздумали. Тамошние казаки наследнику царскому писать решили, чтобы на восток, к Великому Океану их переселил, а не в огнищан переписывал.

— Хорошее дело, — вынужден был я признать. — Тамошние границы, поди, и вовсе без пригляда пока...

— Браты из столичных на проводную депешу не покупились. Сказывают, будто и новый командующий наш уже назначен — Александр Петрович Хрущев. Он будто бы хочь и из инфантерии, а кавалерию сильно уважает... И все бы оно хорошо, только рескриптом генерал-адъютант начальником округа-то объявлен, а вот генерал-губернатором — нет. Чудно!

— Ну мало ли, — пожал я плечами.

— Ага, Герман Густавович. Мало ли. Тут вы правы. Только их высокородие господин подполковник пишет, будто в Главном управлении чинуши на вещах сидят. От писарей до генерал-майоров. И будто бы уже даже баржи с пароходами расписаны — кто на каком в Томск поплывет...

— В Томск? — дернулся я, расплескивая пенное по сейрой, давно нестиранной скатерти. — Точно в Томск? Может, в Тобольск?

— Сказывает — в Томск, — хмыкнул богатырь. — И еще, доносит, мол, в Омске уже и новый наш губернский воинский начальник ледохода дожидается. Цельный генерал-майор! Поликарп Иванович Иващенко.

— А наш Денисов что?

— А Николая Васильевича — наоборот, в штаб военного округа, к Хрущеву.

— Чудны дела твои, Господи.

— Дык!

— Генерал-майор, говоришь, — потер подбородок. Не помогло. Вопросов все равно оставалось больше, чем ответов. — У нас и полковник-то не особенно себя утруждал... Наш, Томский, батальон да еще один, Барнаульский — вот и все войско в губернии. Ну, если, конечно, вашего Двенадцатого казачьего полка не считать... И рекрутов едва ли на роту каждый год набирается. Что тут целому генералу делать?

— Так ведь прежде, ваше превосходительство, у нас и крепостей в губернии не было, — подбоченился Безсонов. — А где крепость, там и пушки.

— Ты про Чуйскую, что ли? Что-то мне, Степаныч, слабо верится, что военное ведомство наш форт приграничный решится в реестр укреплений внести. Китайцы — народ хоть и гордый, а смиренный. Воинов их ты сам видел — не нам чета. Укрепление, что Андрей Густавович выстроил, к серьезной войне и не предназначено. Я бы еще понял, если бы в наш Томск таможенное управление из Иркутска перевели. Или отдельное, Западносибирское повелели создать. А тут — генерал в воинских начальниках... Странно это все и непонятно.

— Вот и я о том, Герман Густавович, — ловко орудуя толстыми пальцами-сосисками, казак сгреб наполовину полные еще кружки и долил почти не пенящееся пиво до краев. Еще один вопрос, всегда меня занимавший! Вот почему, спрашивается, самая высокая и плотная пенная шапка только в первой кружке? А во всех последующих — только если напиток становится слишком теплым, чтобы его приятно было пить?

— Ну ладно, — в задумчивости, не дождавшись нового, следующего госта, отхлебнул и глянул на богатыря. — За новости — спасибо. Только мне вот что так и непонятно, Астафий. Чего это ты решил в светлый Христов праздник все бросить — и верхами отправиться меня искать?

— Дык как же, ваше превосходительство! — аж поперхнулся сотник. Полный рот квашеной капусты, так что часть даже наружу свисает. — Вы же... Как же...

— Я теперь не губернатор и не государев человек, — продолжал я пытаться растерявшегося казака. — И ты мне больше не слуга. И все-таки — мороза не побоялся...

— А правду ли бают, Герман Густавович, будто Гришку нашего Потанина, ордер приходил, дабы в кандалы его заковать, да в Омск везти, а вы не послушались?

— Правда, — кивнул я. — И Потанина, и еще нескольких молодых...

— Как же это?! — Богатырь с такой силой звезданул по двухдюймовым доскам, из которых была собрана столешница, что те даже взвизгнули. — Батя-то евойный, Николай Ильич, у нашего старшины Васьки Буянова в командах был, когда они посольство ханское в Коканд провожали. И потом тоже, когда слона вели...

— Кого вели? — Я решил, что неверно расслышал.

— Животная такая, здоровенная — слон именуемая. Наверде коровы, только с трубой на носу и больше разов этак в пять...

— Я знаю, что такое слон, Степаныч... Я не понимаю только — откуда у отца нашего Потанина слон взялся?

— Дык хан Кокандский эту скотину нашему императору Николаю и подарил, — пожал плечами сотник. — Здоровуша, страсть! В телегу не посадишь, копыты вот такенные, а ходит еле-еле. Чуть не зазимовали казачки в Черной степи из-за этой твари.

— А Николай Потанин...

— Он тогда молоденький был, хорунжий еще. Вот ему слона под расписку и выдали. Чтобы, значицца, до Омска довел. Это опосля, как животную с рук на руки в штаб сдал, он чины получил и награды. Одно время начальником Ба-

ян-аульского округа пребывал. А брат его, Димитрий, и Восьмым полком начальствовал. Как Николу под трибунал отдали — что-то он там с пехотным капитаном не поделил. Может, и из-за Варьки — жинки своей. Она, говорят, редкой красоты баба была... Пехтура роту свою в ружье, а Потанин казаков свистнул. Чуть до смертоубийства не дошло.

Пиво в кружке кончилось, но интересно было слушать и жаль прерывать.

— Пока Гришкин батя на гауптвахте сидел, мать евойная, Варвара, приболела шибко. Да и преставилась. А мальчонке тогда едва пяток годов-то и было. Николая Ильича и чинов с наградами тогда лишили, и богатства, на диких киргизах нажитого. Вот и пришлось Гришку к брату старшему, Димитрию Ильичу в станицу Семиярскую отправлять. Там у дядьки книжек было — цельные сундуки. Вот Гришка и пристрастился к наукам. Недолго, правда, парнишка у родича жил. Димитрий Потанин в степях от инородцев холерой заразился да и помер. А Никола сына в Пресновскую забрал, где тогда штаб казачьей бригады по Иртышской линии стоял. Полковником там Эллизен был, и чем-то ему шустрый пацан полюбился... Пива давайте подолью?

— Чего? — Отвлечься от завораживающей картины всеобщей сибирской общности, местечковости, где все друг друга знают, оказалось трудно. Где Безсоновы оказываются соседями Карбышевых, а старшина Двенадцатого полка служит в одном отряде с Николаем Потаниным. Где присланный из Омска чиновник по особым поручениям оказывается пасынком писателя Лескова, а советник Томского гражданского правления — старшим братом гениального Менделеева. Да чего уж там! Встреченный на глухой почтовой станции смотритель — юный агроном Дорофей Палыч — племянник Гуляева!

А еще казачьи старшины, оказывается, связь со столичными казачьими частями поддерживают. Всю Россию, едрешкин корень, паучьими тенетами оплели. Куда там Третьему отделению...

— Пива, говорю, ваше превосходительство, давайте подовлю. Негоже же так. С пустой-то сидеть... А оттуда уже

отец его и в Омское училище, которое потом кадетским корпусом стало, увез... Ну, за Сибирское казачье войско!

— Да-да. Конечно.

— Вот я и говорю — как же это можно Гришку-то в кандалы? Он же наш, свойский, казачий! Мы и сродичей евойных помним, и его с малолетства знаем... В морду, что ль, кому плюнул али еще чего? Батя-то его, Васька сказывал, горячий в молодости был. На сабле за лето по три оплетки стирал. Баи степные его пуще огня боялись...

— Сболтнул кому-то, что славно бы было Сибирь от империи отделить да своей властью жить.

— Вон оно как...

— Слона-то царю привели? — не мог я не поинтересоваться. И опять вспомнил об обещанных императору-охотнику собаках. А ведь записал даже себе напоминалку, и не в одном месте.

— Сие мне неведомо, Герман Густавович, — после длинной паузы, наверняка додумав прежде мысль, отозвался сотник. — Васька бает, мол, до Уральского Камня — точно довели. А там будто бы приболела скотина. Царев подарок и дохтур немецкий пользовал, а все одно сдох.

— Доктор?

— Пошто дохтур? Животная сдохла. Буянов говорит — обожралася. Как из степей к нашим березнякам вышла, так только то и знала, скотина безмозглая, что трубой своей ветки рвать и в пасть упихивать. Бока так раздуло, что на баржу поставь — с боков бы все одно торчало...

— Жаль.

— Как не жаль, ваше превосходительство! Все ж Господь старался, сляпывал несуразицу этакую. Трудилси. А она по глупости своей — обожралася... Только Гришаню нашенского все же жальче... Кто его теперь от жандармов защитит, коли вы, Герман Густавович, из Томска съехали?!

— Ха! Да кто его, Степаныч, теперь до весны из Кош-Агача вытащить-то сумеет? Викентьевский тракт едва-едва снегом присыплет, так там даже козлы горные не проскачут. А в морозы и подавно...

Зима и правда была чрезвычайно холодной. Под Рожде-

ство так придавило, что деревья в садах лопались. К Крещению вроде слегка потеплело, но ведь впереди был еще февраль — традиционно самый холодный месяц зимы.

— Думаю, до марта никто наших молодых людей не тронет. А там, глядишь, все и изменится.

— Уж не в столицу ли вы, ваше превосходительство, отправились? — коварно, хитро прищурившись, поинтересовался Безсонов. — Корниленок сказывал, вы там во дворцах — желанный гость. С государем на охоты ездили, и с цесаревичем вина заморские распивали.

— Корниленок?

— Артемка Корнилов. Младшенький же. До Корниловых еще не дорос. Так пока — Корниленок. А поди-ткась! В самом Петербурге теперь!

— Талант у парня, — кивнул я, втайне радуясь, что тема разговора сменилась. — Выучится, знаменитым на весь мир сделается. Мы с тобой, Безсонов, еще гордиться станем и внукам рассказывать, что знакомы с ним были.

— Дай-то Бог, — кивнул лобастой головой сотник. — Я об одном только Господа молю — чтобы в Санкт-Петербурге том Артемка наш идеями всякими глупыми не заболел. Потанин-то, поди, в ихнем университете и нахватался...

Пожал плечами. Столичный, студенческий, период биографии Григория Николаевича Потанина я плохо помнил. Что-то вроде — учился, был активным участником сибирского землячества. Вот и все, пожалуй.

— Хотя, Герман Густавович, — нерешительно произнес казак. — Если руку на сердце, так и правда... Земля наша и без расейских присланцев...

— Замолчи, сотник! — Теперь я хлопнул ладонью по столу. — И слушать не желаю! Хотя и не жалует меня ныне государь, а все же я верный ему слуга! Да и вы с Васькой твоим хитромудрым, едрешкин корень, присягу воинскую давали!

— Давали, — огорчился казак. — Только мнится мне, их превосходительство генерал-майора Сколкова сюда и по наши души выслали. Если уж дунайских казачков в крестьяне, так нас и вовсе... На вас, ваше превосходительство, только и надежда!

Глава 2 ЧЕРНОЛЕСЬЕ

На следующее утро никто никуда не поехал. Ни я, ни Безсонов, — хотя и рвался обратно в Томск, будучи оставленным за командира полка на время отсутствия подполковника Суходольского. Ни казаки антоновской сотни, отправившиеся в Крещенье с дозором на Сибирский тракт.

Я — понятно почему. Голова так болела, что казалось, я явственно слышу треск лопающихся костей, стоило сделать неосторожно-резкое движение. Естественно, и о письмах покровителям можно было на этот, без сомнения, один из самых ужасных в новой моей жизни дней забыть.

Причем почему-то не помогли и обычно здорово выручающие народные методы. Ни полстакана отвратительной, какой-то мутной, как самогон-первач, водки. Ни полный ковш сцеженного рассола с квашеной капусты. Мне только и оставалось, что лежать на узкой, твердой и неудобной лежанке в белой горнице станции, стараясь не двигаться и не разговаривать, и думать.

И завидовать невероятному здоровью сотника, на которого вчерашняя пьянка словно бы и вовсе никак не повлияла. Но и он, каким бы ни был богатырем, как бы ни храбрился, все-таки не рискнул вывести коня из теплой конюшни и проделать в седле двадцать пять верст по сорокаградусному морозу.

Понятно, что и полусотня казаков, путь которым предстоял еще дальше, ознакомившись, так сказать, с погодными условиями, тоже осталась на станции. Рассудили, что если уж они, сибирские казаки, нос на улицу без нужды высовывать опасаются, то и лиходеи на тракт не полезут.

Зато в ходе неспешного разговора удалось раскрыть всеимперский казачий «заговор». Я-то, грешным делом, решил сперва, что старшины казачьих полков — это вроде выборного неформального лидера и казначея подразделения в одном лице — как-то организовано обмениваются между собой информацией. Думать уже начал, рассуждать, как этакий-то глобальный источник информации использовать

можно. А выяснилось, что, как и все остальное в Сибири, осведомленность старейшин основывалась на личных связях. Вот наш Василий Григорьевич Буянов в свое время учился в кадетском корпусе с будущим штаб-ротмистром лейб-гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Наследника цесаревича полка Владимиром Николаевичем Карповым. А дальше логический путь длинным не будет. Великий князь Николай Александрович во время своего путешествия по России по случаю сделался наказным атаманом казачьего войска. И так это молодому наследнику понравилось, что с тех пор и охраняли его атаманцы, вместо личного ЕИВ конвоя, — и знали соответственно много.

В том числе и о том, что еще в конце декабря, сразу после Рождества, в Томскую губернию отправлен генерал-майор Иван Григорьевич Сколков. Так-то этот офицер ни должностью великой, ни чинами не блистал. Только в нашей стране это все легко перекрывает личное расположение правителя. А к Сколкову Александр Второй был расположен весьма и весьма. Начиная с 1857 года Иван Григорьевич непременно оказывался в числе сопровождающих царя. И на пароходном фрегате «Гремящий» в Киль, и в поездке в Архангельск, и дальше по стране до Нижнего. Потом, вновь с Александром, уже будучи официально причисленным к свите, в поездке в Одессу и по Крыму. В 1863 году сопровождал государя по Волге и Дону, с кратким заездом на Северный Кавказ. А в прошлом, шестьдесят пятом, был в делегации, сопровождавшей принцессу Дагмару на пути в Россию.

И вот вдруг этого свитского генерала отправляют в мои края! Безсонов, поковырявшись в бездонных карманах, извлек на свет изрядно помятое послание от штабс-ротмистра и зачитал. «Из разных источников поступают сведения о послаблениях, оказываемых начальствующими лицами в Западной Сибири политическим преступникам. А потому для удостоверения справедливости их командирован туда свиты Его Величества генерал-майор Сколков».

Вот и думай что хочешь. По мою это душу господин — или простое совпадение? А может ли быть это реакцией на

включенные в мой последний всеподданнейший отчет сведения о готовящемся здесь, у нас, польском восстании, сигналом к которому должно послужить покушение на жизнь царя?

Но почему послали именно его? Не тяжеловата ли фигура — друг и доверенное лицо царя — для обычной инспекции в третьесортный регион? Прав, едрешкин корень! Тысячу раз прав ты, Герман. Если мы с тобой, брат, сможем вычислить, отгадать — почему именно он, то и весь остальной «туман» непонятных, нелогичных событий и решений рассеется сам собой.

И тут Безсонов со своим старшиной Васькой ничем помочь не мог. У них после выпитой на двоих четверти родилась всего лишь одна версия — придворного генерала отправили для организации лишения казачьего сословия станиц Двенадцатого полка. Дескать, стыдно государю кого-нибудь мелкого для такого дела слать. Непростое это дело — обижать верных защитников Отечества! К тому и наказного атамана сменили, и командиров полков отовсюду в Омск вызвали.

По мне, так чушь это полнейшая. В письме атаманца указано — разобраться с послаблениями к преступникам. А где они в Омске? Там даже нормальной пересыльной, этапной тюрьмы для ссыльных и то нет. Только гауптвахта и городской тюремный замок.

Итак, что мне известно? Два, как мы с Герасиком единогласно признали, важнейших факта: в Западную Сибирь за каким-то лядом, с неясными целями едет личный порученец царя, и чиновников Главного Управления из Омска переводят в Томск. Официального распоряжения, указа или приказа еще нет, но, по словам Суходольского, «господа сидят на чемоданах».

Могут эти два события быть связанными? Да, могут. Если принять допущение, что Сколков — простой ревизор, отправленный, чтобы проверить «поступающие сведения» до того, как в столице решатся провести в Сибири административные реформы. Сюда же хорошо укладывается информация, так настораживающая казаков: генерала Хруще-

ва назначают командующим военным округом, но лишают гражданской власти в регионе. Значит, берегут местечко для кого-то более... важного.

Кого? И, едрешкин корень, как это может быть связано с моей деятельностью? Ведь есть же связь, спинным мозгом чую. Иначе зачем управу из Омска в Томск переводили бы? Ну нужна кому-то из весьма приближенных особ запись в личном деле о службе в агрессивно развивающемся, моими, кстати, стараниями, крае. Зачем несколько сотен людей с места на место-то дергать? Дюгамель вон Александр Осипович, и в Омске сидючи, вполне успешно рапортовал...

Мелькнула и тут же была отвергнута, как совсем уж невероятная, мысль, что на место нового наместника Западной Сибири готовят кого-то из членов Семьи. Это, в принципе, единственное объяснение путешествию царского друга. Допустим даже, пусть и несколько эгоистично, что столицу региона решили двинуть ко мне поближе, чтобы этот безымянный пока великий князь мог, если что, воспользоваться уже достигнутыми успехами. Но к чему тогда эта отставка с поста губернатора? А требование немедленно все бросить и бежать в Санкт-Петербург — вовсе ни в какие ворота...

Это конечно же все не более чем теории. Что-то не припоминается мне, чтобы кто-то из царской семьи, кроме возвращающегося из кругосветного путешествия через Владивосток будущего Николашки Кровавого, вообще в Томске бывал. Таблички на губернаторском доме, в мое время Доме ученых, помню. Их там две в моем мире было. Справа: «В этом здании 5—6 июля 1891 года во время кругосветного путешествия останавливался цесаревич Николай Александрович, ставший последним императором России». А метров пять-шесть левее: «В этом здании в 1917 году находились Томский Совет рабочих и солдатских депутатов и редакция большевистской газеты «Знамя революции», а в декабре 1919 года — Военно-революционный комитет».

Это так, к слову. И дом на этом месте теперь другой, и история, надеюсь, другим путем пойдет. Но и в том, и в этом мире что-то толпы царских родственников, желающих непременно побывать в Сибири, я не наблюдал. Цесаревич

тогда и то лишь на одну ночь в Томске задержался. И выходит, что все мои рассуждения о целях порученца Сколко-ва — чушь и похмельный бред.

А вот с абстинентным синдромом нужно было что-то делать. Так-то оно конечно. Мороз за окнами — далеко за сорок. И вряд ли кто-то решится из Томска отправиться ловить беглого экс-губернатора. Тем более что нужно этому кому-то еще отгадать — в какую именно сторону я уехал. Выбор, правда, невелик — юг или восток, и при большом желании можно послать отряды в обе стороны. Но не в это время и не в этих краях. Сейчас все делают размеренно, спокойно. Отпишут все нужные бумаги, посоветуются с покровителями. Потом — проверят мой терем и усадьбы друзей. Цибульский вон у Гинтара в доме чуть не месяц проживал, и ничего! Так что серьезные поиски начнутся не раньше чем дня через три-четыре. И усердствовать, скакать по зиме, нахлестывая лошадей, — тоже не станут. Сибирь. Здесь каждый знает — на востоке мне делать нечего. Я там никого не знаю. На юге — АГО и его начальник Фрезе. Тот и без ордера на арест готов меня придушить в темном переулке. Остается запад. Колывань, там Кирюха Кривцов — мой, можно сказать, компаньон, — или Каинск. В окружном Сибирском Иерусалиме выбор укрытий для беглого Лерхе больше. Ерофеевы или Куперштох меня с радостью спрячут.

Вот визнает это все майор Катанский — тогда телеграмму каинским и колыванским полицейским и отобьет. Дескать, найти и задержать. Кстати, Гера, ты опять прав. Даже причины моего ареста указать не посмеет. Если уж начать разбираться, так я и вовсе от жандармов не сбежал. Откуда мне вообще знать, что какой-то чин из Омского представительства Третьего отделения страстно желает со мной пообщаться? Да — собрался да уехал. Так я перед жандармами отчитываться не обязан. Не ссыльный и не поднадзорный. Обычный имперский дворянин немецкого происхождения. Имею право путешествовать, едрешкин корень, по просторам Отечества.

— Счи вам, Герман Густавович, треба похлебать, — с грохотом полковых барабанов поставив простую глиняную

тарелку на стол, строго заявил Апанас. — С капусткой. Кисленьких. После уже — хлебной глоток...

Как там того древнего врача звали? Ну чьим именем доктора клятву дают... Один, блин, Пифагор в голове... В общем, мой слуга тому греку сто очков форы может дать. Заговоры знает, что ли? Эти щи — суп повышенной кислотности — в обычном состоянии я бы точно есть не стал. Не люблю. А тут такими вкусными показались. И ведь прямо чудно — с каждой ложкой чувствовал, как по венам кровь быстрее бежит и похмелье с потом через кожу выходит. Как ложка о дно биться стала — я мокрый как корабельная крыса был, но чувствовал себя практически здоровым.

— Вина хлебного! — напомнил белорус, забирая пустую тарелку. — Вот и сальцо соленькое...

Запотевший граненый стаканчик грамм на пятьдесят. Пупырчатые огурчики-корнишоны в блюде. Розоватые, с прожилками, пластики соленого сала. А жизнь-то — налаживается!

— Прими Господи за лекарство! — опрокидываю ледяной огонь в себя. Безсонов смотрит во все глаза и улыбается. Ему самому похмелье не грозит — здоров как бык, — но болеющих, видно, насмотрелся.

— Вот и слава Богу, — бубнит себе под нос Апанас. — Вот и славно.

Велел принести бумагу с перьями и чернилами. Давно было пора браться за послания в столицу, а тут как раз лучше не придумаешь — и чувствую себя практически нормально, и со станции носа не высунешь.

Тексты давно сложились в голове. Включая некоторые, как я считал, изысканные обороты речи на разных европейских языках. Ирония современной России — писать представителям высшего света на русском было плохим тоном. Не комильфо. Царю или цесаревичу — можно. А вот великим князьям или княгиням — уже нет. Французский, немецкий. В крайнем случае — несколько фраз на латинском или греческом. Только не русский.

Наденьке Яacobсон, в расчете на то, что письмо, вполне возможно, попадет в руки Дагмары, — все-таки по-русски.

Тончайший, достойный опытного византийского царедворца нюанс. Косвенный намек на то, что датскую принцессу даже в Сибири воспринимают уже за свою.

Отдельно — цесаревичу. Почти год прошел с того изрядно меня удивившего первого письма от него. Это после не слишком ласкового-то ко мне отношения в Санкт-Петербурге получить вполне благожелательное сообщение от наследника! Я даже конверта вскрыть не успел, а весь губернский Томск уже шептался по углам: «Начальник-то наш с самим цесаревичем в сношении! Большим человеком, видно, стал!»

Как-то сам собой сложился и стиль переписки. Сухие, без лишних реверансов строки. Чистая информация. Иногда он задавал вопросы или просил поинтересоваться тем-то и тем-то. Однажды спросил моего мнения по какому-то вопросу. Если правильно помню — что-то о тарифной политике империи.

Всегда старался отвечать максимально быстро. Объяснял причины своих решений или суждений о чем-либо. Понимал, конечно, что хорошо друг к другу относящиеся люди так не делают. Что наша переписка больше напоминает сообщение начальника и подчиненного. Но ведь, едрешкин корень, так оно и было! Мне отчаянно нужно было его, цесаревичево покровительство, и смею надеяться — мои известия были ему полезны.

Впервые я просил его о помощи. Нет, не умолял его избавить от жандармского преследования! Это было бы откровенным признанием собственного бессилия. Да и глупо в моем-то положении. Я пошел другим путем. Вывалил на бумагу все известные на сей момент сведения, добавил слухи о том, что меня с ближайшими соратниками, ярыми помощниками в тяжком труде по преобразованию Сибири, якобы намерены подвергнуть аресту и препроводить в Омск. И попросил совета. Что мне теперь делать? Отступить? Сдаться? Оставить край в его вековой дремучести на радость ретроградам? Или продолжать, пусть теперь и как частное лицо, барахтаться, сбивая молоко под собой в драгоценный экспортный товар?

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1. Во тьму</i>	7
<i>Глава 2. Чернолесье</i>	31
<i>Глава 3. Черный снег</i>	60
<i>Глава 4. Черный металл</i>	81
<i>Глава 5. Ночь темна...</i>	111
<i>Глава 6. К свету</i>	133
<i>Глава 7. Вторжение в личную жизнь</i>	161
<i>Глава 8. Гранд-политик</i>	193
<i>Глава 9. Перемены</i>	228
<i>Глава 10. Триумф</i>	253
<i>Глава 11. Детская</i>	290
<i>Глава 12. Волчья кровь</i>	331
<i>Эпилог</i>	351